

18+

Анна Пейчева

ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ:

ЦАРЬ – ПОЭТ – БОЕЦ НАКАНУНЕ КРУШЕНИЯ

ЭПОХА
РОМАНОВЫХ

Анна Пейчева

**Последнее лето перед
революцией: царь — поэт —
боец накануне крушения.
Серия «Эпоха Романовых»**

«Издательские решения»

Пейчева А.

Последнее лето перед революцией: царь — поэт — боец накануне крушения. Серия «Эпоха Романовых» / А. Пейчева — «Издательские решения»,

Катастрофа все ближе. Но царь ничего не замечает. Николай II растворился в семье. Сын болеет, дочери влюблены в офицеров, жена примеряет брюки главнокомандующего. А в столице дрожат поэты. Мобилизация! В окопах нет мороженого из сирени. Мандельштам бежит к Цветаевой, Есенин пишет царевне стихи — пока студент Вавилов и врач Кравков трудятся на фронте, терзаясь тревогой за любимых. Надвигаются дирижабли и революция... Остановим время на пару мгновений. Заглянем в последнее лето Российской империи.

© Пейчева А.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Царская семья	8
Император Николай II: «Я стараюсь ни над чем не задумываться»	8
Центр светской жизни	9
Война как интересный фильм	9
«Мы сидим на бочке с порохом»	11
Императрица Александра Федоровна: «Посылаю тебе розы, они из милого Петергофа»	21
Цветы и редиска	22
Сериал в письмах	22
Долгожданное свидание	23
Жена императора	23
Дети Николая II: «Чугунная решетка Александровского дворца раскрылась»	33
Цесаревич Алексей: «Котык с удовольствием ест устриц»	35
Маленький принц	36
Приключения Котыки	36
Великая княжна Ольга: «Скучно очень без маленького душки Шах-Багова»	41
«От принцесс до крестьянок простых»	42
Рыцарь и принцесса	44
Подарок к Рождеству	45
Великая княжна Татьяна: «Ходили с Папа по платформе 323 шага»	48
Снежная принцесса	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

**Последнее лето перед революцией:
царь — поэт — боец накануне крушения
Серия «Эпоха Романовых»**

Анна Пейчева

© Анна Пейчева, 2026

ISBN 978-5-0070-2802-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Император Николай II собирает грибы на солнечной поляне в сосновом лесу в Могилёве, рядом со своим поездом, оборудованным по последнему слову техники и комфорта. Это август 1916 года. До революции осталось несколько месяцев.

Горизонтальная история — любопытная штука. Как будто перед тобой медленно проплывают освещенные вагоны поезда и ты смотришь, кто чем занимается прямо сейчас.

Вот Николай II озабоченно трогает горячий лоб сына, пока генералы толпятся у его дверей. Тем временем императрица срезает кроваво-красные розы, чтобы послать их мужу в Ставку — вместе со своими советами по ведению войны.

Замужняя Цветаева целует ошеломленного Мандельштама. Есенин примеряет алые сапожки для выступления перед царской дочерью. Но о нем ли думает великая княжна Мария, вышивая мужскую рубашку?

Старшая царевна мечтает сбежать на Кавказ, ее сестра подумывает о троне, и только младшей все нипочем, она несется на велосипеде по золотым анфиладам Александровского дворца, как свежий морской ветер, который ей не суждено больше вдохнуть.

За тридевять земель от Царского Села бедная таджичка спасает своего сына от мобилизации, на другом краю континента корпусный врач Кравков борется со средневековой цингой, терзающей голодных солдат. Молодой физик Сергей Вавилов увлеченно крутит ручку полевой радиостанции в тени надвигающихся смертоносных цеппелинов, пока его будущая жена вытаскивает из-под завалов раненых сирот.

Под Луцком и Верденом — пламя дьявольских огнеметов, в Москве — «мясопустие», в Туле — сахарные «хвосты» по полтора километра.

И грозы, сплошные грозы — все лето. Воздух над империей страшно наэлектризован.

«Гроза нас разбудила», — запишет Николай II в дневнике 6 июля¹.

«Пишу у себя в комнате при свете лампы, так как сейчас разыгралась страшная гроза и льет дождь, — ужасные удары грома, как будто молния ударила где-нибудь вблизи!..» — втрет мужу императрица и подводит итог: «Такое странное лето»².

Это 1916 год. Последнее лето перед революцией.

Мерно стучат колеса истории. Поезд с освещенными вагонами неуклонно стремится навстречу ужасной катастрофе. Но никто из пассажиров об этом не подозревает. И только мы с вами видим, что крушения не избежать.

Кому удастся выбраться из-под обломков?

¹ «Дневники императора Николая II: Том II, 1905—1917».

² «Переписка Николая и Александры. 1914—1917 / [сост. А. А. Сергеев]. — М.: «Захаров», 2013.

Часть 1. Царская семья

Император Николай II: «Я стараюсь ни над чем не задумываться»

Николай II в императорском поезде (28 июля 1916)³

Николай II, хоть и взял на себя командование армией, живет в Могилёве вполне беззаботно. Он словно в отпуске: пишет в дневнике про катания на лодке, купания, синематограф; его лето наполнено играми с детьми и свиданиями с женой. И все же это пир во время чумы: как государь ни старается, ему не удастся насовсем забыть про страшную войну, толкающую страну в пропасть.

³ Цветные фотографии, представленные в этой книге, реставрированы и колоризированы по современным технологиям без изменения оригинального изображения.

Центр светской жизни

В 1915 году провинциальный Могилёв стал военной столицей империи. Вместе с императором в маленький белорусский город переехали Двор, все командование, тысячи высших офицеров страны, блистательная аристократия. А вслед за ними — труппы ведущих театров Петербурга, артисты оперетты, работники модного «синематографа». Узкие улочки заполнились автомобилями, гостиницы «Бристоль» и «Метрополь» — именитыми проживающими. Тихий Могилёв преобразился как по волшебству. Сколько светского лоска, сколько культурных событий, сколько бурных романов и захватывающих сплетен!

Вот как описывают этот период белорусские историки: «Очень быстро губернский город превратился в царскую резиденцию с соответствующим антуражем. Военные проблемы для многих отходили на второй план. Могилевские девушки восхищались и флиртовали с офицерами Ставки... Для того, чтобы Николаю II было удобнее добираться до церкви, в апреле 1916 года туда была проложена асфальтовая дорожка от дома губернатора, где жил самодержец. Сделали ее за личные средства царя. За государственные же, в частности, приказом министра путей сообщения, в Могилёв доставили небольшую паровую яхту, на которой император летом совершал прогулки по Днепру»⁴.

Миссии и посольства европейских стран тотчас передислоцировались из Петербурга в Могилёв. Так, например, в августе 1916 года в Белоруссию прибыл посол Англии сэр Джордж Уильям Бюкинен, чтобы вручить самодержцу знаки Большого Креста ордена Бани, одной из высших наград Британии. Как вспоминают сами могилёвцы, в те годы в городе было много иностранных военных представителей: «генерал Бартельс, мрачный и насупленный грузный старик, был всегда чем-то недоволен. Серб был в восторге от русских. Французы тихо сидели в гостинице. Лишь иногда их представитель — генерал Жанен — появлялся на вокзале. Итальянцы красовались. Достаточное количество могилёвских красоток ощутили на себе знаки внимания итальянского генерала графа Ромея. Японец Обата был бесстрашен. Не переживал из-за неудач российской армии и не радовался победам — он наблюдал. Что характерно, всем иностранцам нравился могилевский климат: ровные зимы и ясное, безоблачное небо летом. По их мнению, здесь можно было бы открыть прекрасный курорт. Удивляла их бедность русского крестьянина. Маленькие избенки под соломенной крышей с крошечными окошечками и кучей грязных босых ребятишек, копошащихся в пыли. Эта бедность, рядом с роскошными, богатыми усадьбами, их всегда поражала. И они несомненно увезли с собой в свои страны память о противоречиях русской жизни: несметные богатства и рядом неслыханная бедность; громадные просторы и скученные убогие хижинки; высокая культура и жестокость чрезвычайная. Россия для них и после того, как они прожили в ней несколько лет, осталась загадкой»⁵.

Война как интересный фильм

В год вступления в главнокомандование Николаю исполнилось 47 лет. Он был в расцвете сил. Однако царь не собирался тратить свое здоровье на волнения из-за войны. По словам очевидцев, Николай не раз говорил: «Я стараюсь ни над чем не задумываться и нахожу, что только так и можно править Россией. Иначе я давно был бы в гробу»⁶.

Военный священник Григорий Иванович Шавельский, ежедневно обедавший с императором, вспоминает: «Он безгранично любил Родину, умер бы за нее, если бы увидел в этом

⁴ Пушкин И. А., Агеев А. Г., Климуть Я. И. «Перекрёстки могилёвской истории» (Минск, 2003).

⁵ Белевская М. Я. «Ставка Верховного Главнокомандующего в Могилёве, 1915—1918 г.» (Вильно, 1932).

⁶ Игорь Зимин «Взрослый мир императорских резиденций. Вторая четверть XIX — начало XX в.».

необходимость, и в то же время как будто уж слишком дорожил он своим покоем, своими привычками, своим здоровьем и для охранения всего этого, может быть, не замечая того, жертвовал интересами государства...»⁷

Царские обеды в Могилёве следовали педантичному петербургскому этикету. Никаких «неудобных» разговоров, никакой войны во время приема пищи. Священник Шавельский перечисляет дозволенные темы для застольных бесед: «Делились воспоминаниями, наблюдениями; реже затрагивались научные вопросы. Когда касались истории, археологии и литературы, Государь обнаруживал очень солидные познания в этих областях».

Впрочем, и в отведенное для работы время Николай старался оградить себя от плохих новостей с фронта. По свидетельству современников, «он охотно выслушивал речь докладчика, пока она касалась светлых, обещавших успехи сторон дела, и как сразу менялось настроение Государя, ослабевало его внимание, начинала проявляться нетерпеливость, а иногда просто обрывался доклад, как только докладчик касался отрицательных сторон, могущих повлечь печальные последствия. При этом Государь, обычно, высказывал сомнение: „может быть, дело обстоит совсем не столь печально“, и всегда заканчивал уверенностью, что всё устроится, наладится и кончится благополучно»⁸.

Военный дневник Николая представляет собой удивительное чтение. Для всей России лето 1916 года — это миллионы погибших на войне, голод и эпидемии. Для императора лето 1916 года — это «дивная погода», «занятный синематограф», долгие прогулки и чаепития. Так, например, запись от 21 июня поражает контрастом событий, изложенных с одинаковым спокойствием: «Чудный жаркий день. На Юго-Западном фронте все время идут горячие бои; немцы и австрийцы из всех сил напирают. Днем на веслах спустился за окоп Алексея и выкупался на хорошем месте»⁹.

«Горячие бои», о которых небрежно упоминает царь, — это Брусиловский прорыв под Луцком, в котором потери русских войск составили около 500 тысяч человек¹⁰. Сам генерал Брусилов называл эту операцию «кровавым боевым шествием», а царя — «младенцем в военном деле». И с горечью констатировал:

«В действительности царю в Ставке было скучно. Ежедневно в 11 часов утра он принимал доклад начальника штаба и генерал-квартирмейстера о положении на фронте, и, в сущности, на этом заканчивалось его фиктивное управление войсками. Все остальное время дня ему делать было нечего, и поэтому, мне кажется, он старался все время разъезжать то в Царское Село, то на фронт, то в разные места России, без какой-либо определенной цели, а лишь бы убить время»¹¹.

Пока царь убивал время, под Луцком гибли его подданные — сотни тысяч мужчин в расцвете лет. Но Николай беспокоился не из-за потерь на фронте, а из-за недомогания 12-летнего сына, которого он в воспитательных целях взял с собой в Ставку. Алексей, страдавший гемофилией, требовал неусыпной заботы со стороны родителей и врачей.

Царь старался уделять своему «Солнечному Лучу» как можно больше внимания: организовал Алексею целебные припарки прямо в Ставке («Я говорил с В.Н. о грязевых компрессах. Он сказал, что все можно будет легко устроить»), пригласил в Могилёв учителей, «чтобы дать ему возможность говорить больше по-английски», волновался из-за состояния сына после прививки («Сегодня утром, когда мы оба еще были в постели, Алексей показал мне, что локоть у него не сгибается, а затем он смерил температуру и спокойно объявил, что ему лучше поле-

⁷ Шавельский Г. И. «Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота» (Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1954).

⁸ Там же.

⁹ Дневники императора Николая II: Том II, 1905—1917.

¹⁰ А. Н. Рухлин «Брусиловский прорыв в симбирской и самарской периодической печати и его итоги» (2019).

¹¹ Брусилов А. А. «Мои воспоминания».

жать весь день. У него было 36,5. Так как погода сырая, я нашел, что, действительно, ему лучше полежать в постели»), всеми силами старался развлечь и занять подростка («Вчера мы видели интересное представление в кинематографе и остались очень довольны. Бэби играет, очень шумит, веселенький, болей совсем нет»)¹².

Сын был рядом, он был реальным, любимым и нуждался в отце; а война так и осталась для Николая чем-то эфемерным и далеким. Печально знаменитую Верденскую мясорубку¹³ царь видел только на экране: «Днем прогулка была в то же место; не купался, т. к. сделалось свежее. В 6 час. поехали вдвоем в кинематогр., показывали франц. ленту — Verdun»¹⁴. Кино тогда было немым, и вместо взрывов, свиста бомб, грохота снарядов, канонады артиллерийской стрельбы и диких криков раненых — вместо этого страшного саундтрека войны Николай слушал приятную музыку.

А после официальной хроники царь с цесаревичем наслаждались новой серией про приключения Лысого. В 1916 году этот комедийный цикл бил все рекорды популярности, фильмы «выстреливали» один за другим: «Лысый влюблен в танцовщицу», «Лысый-гипнотизер», «Лысый и прачка», «Лысый ищет огня», «Лысый кутит», «Лысый уносит женщину из гарема», «Именины тещи Лысого» и, конечно же, «Лысый хотел, чтобы у него выросли волосы»¹⁵.

«Мы сидим на бочке с порохом»

На самом деле, император не очень-то хотел брать на себя управление армией. Он долго раздумывал, прежде чем отправить в отставку прежнего главнокомандующего — своего дядю, великого князя Николая Николаевича, обладавшего стальной волей и громадным военным опытом.

Как писал священник Шавельский, «в России не было человека, имя которого было бы окружено таким ореолом, и который во всей стране, особенно в низших народных слоях, пользовался бы большей известностью и популярностью, чем этот великий князь. Его популярность была легендарна... В войсках авторитет великого князя был необыкновенно высок. Из офицеров — одни превозносили его за понимание военного дела, за глазомер и быстроту ума, другие — дрожали от одного его вида. В солдатской массе он был олицетворением мужества, верности долгу и правосудия».

Но как раз дядины успехи и насторожили самодержца. Племянник начал бояться за свой трон. У царя «уже давно существовало несколько ревнивое отношение к должности верховного главнокомандующего, — вспоминал военный министр генерал Поливанов, — и желание этот весьма видный пост взять самому, дабы не упустить из своих рук исторического величия»¹⁶.

Министр Александр Кривошеин предупреждал государя: «Мы сидим на бочке с порохом. Нужна единственная искра, чтобы всё взлетело в воздух... Принятие императором командования армией — это не искра, а целая свеча, брошенная в пушечный арсенал»¹⁷.

¹² «Переписка Николая и Александры. 1914—1917 / [сост. А. А. Сергеев]. — М.: «Захаров», 2013.

¹³ Наравне с Брусиловским прорывом — одна из самых крупных и кровопролитных военных операций в Первой мировой войне, проводившаяся с 21 февраля по 18 декабря 1916 года и вошедшая в историю как хрестоматийный пример войны на истощение. В ходе сражения французские войска сумели отразить широкомасштабное наступление войск противника, и попытка немцев захватить крепость Верден провалилась.

¹⁴ Запись в дневнике Николая II от 30 июня 1916 года.

¹⁵ Вениамин Евгеньевич Вишневецкий «Художественные фильмы дореволюционной России» (фильмографическое описание), издание 1945 года.

¹⁶ Допрос ген. А. А. Поливанова. Падение царского режима. Том 7: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства.

¹⁷ Уткин А. И. «Первая мировая война» (2001).

В коллективном обращении к императору министры заявили: «Принятие Вами такого решения грозит, по нашему крайнему разумению, России, Вам и династии Вашей тяжёлыми последствиями»¹⁸.

Генерал Брусилов писал: «Война — не шутка и не игрушка, она требует от своих вождей глубоких знаний, которые являются результатом не только изучения военного дела, но и наличия тех способностей, которые даруются природой и только развиваются работой. Преступны те люди, которые не отговорили самым решительным образом, хотя бы силой, императора Николая II возложить на себя те обязанности, которые он по своим знаниям, способностям, душевному складу и дряблости воли ни в коем случае нести не мог»¹⁹.

Но Николай был непоколебим. За спиной царя стояла сильная женщина, не позволявшая мужу отступать.

Николай II и цесаревич Алексей принимают военачальников за завтраком в царском поезде (1916)

¹⁸ Допрос ген. А. А. Поливанова.

¹⁹ Брусилов А. А. «Мои воспоминания».

Николай II среди военных представителей союзных держав (Могилёв, 8 сентября 1916)

У здания Губернского Управления стоят царские автомобили в ожидании Николая II с цесаревичем (Могилёв, 1916)

Николай II обсуждает стратегию с генералами (Могилёв, 1916)

Немцы атакуют форт Во (Верден, 1916)

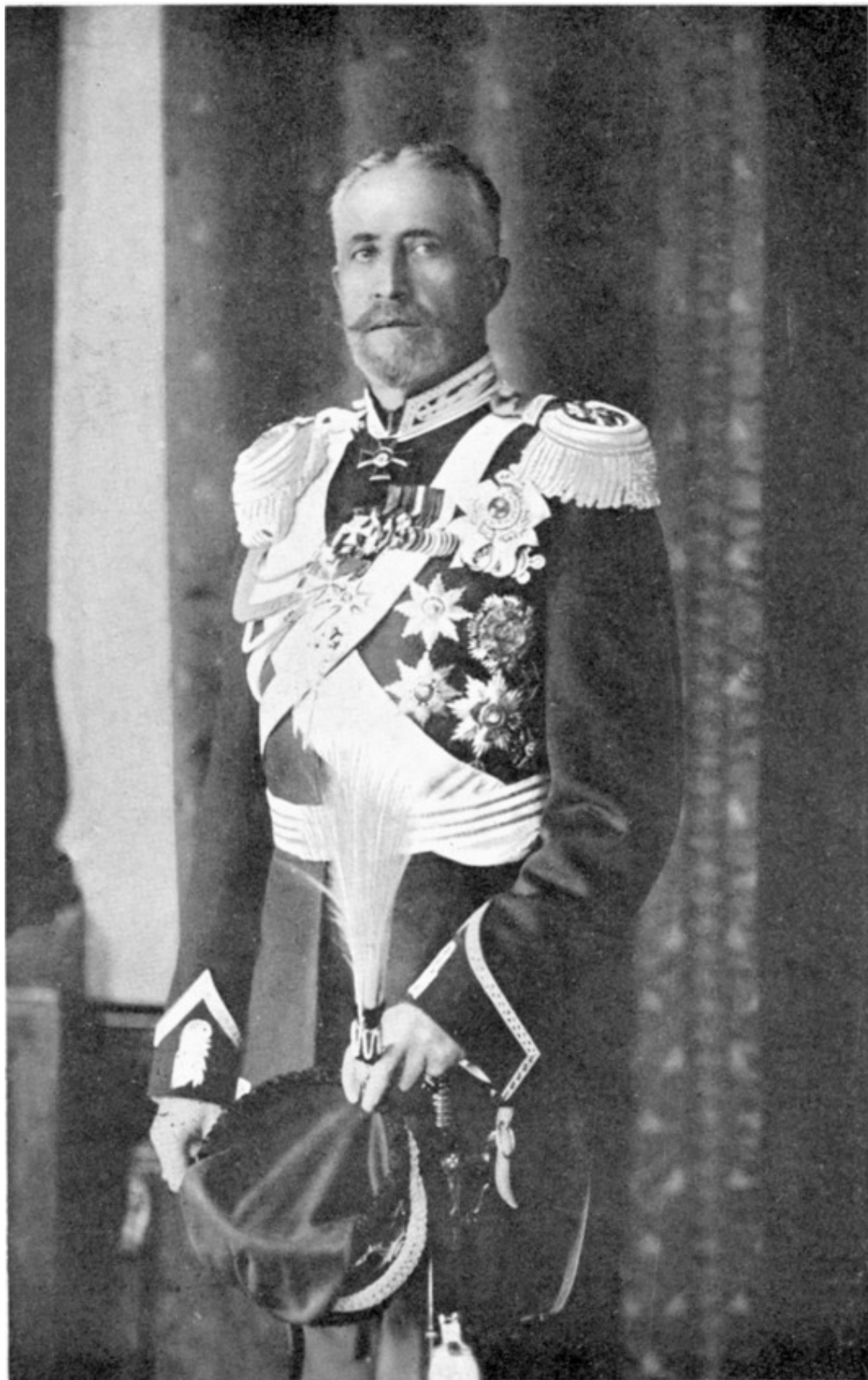
Брусиловский прорыв под Луцком (весна-лето 1916)

Николай II и цесаревич Алексей перед офицерами (1916)

Великий князь Николай Николаевич и Николай II (1914)

Великий князь Николай Николаевич

Генерал Алексей Алексеевич Брусилов

Цесаревич Алексей принимает грязевые ванны. Справа — мать Александра Федоровна и лейб-медик Евгений Сергеевич Боткин, позади стоит дядька наследника — боцман Андрей Еремеевич Деревенько (Крым, 1913)

Николай II и цесаревич Алексей гуляют в окрестностях Могилёва (1916)

Император играет с сыном на берегу Днепра (1916)

Императрица Александра Федоровна: «Посылаю тебе розы, они из милого Петергофа»

Императрица Александра Федоровна с супругом Николаем II на яхте «Штандарт» (1908)

Они были очень счастливы — Николай II и его супруга, которую он ласково называл «Аликс». Первая мировая темной глыбой врезалась в их спокойную семейную жизнь: Николай уехал в белорусский Могилёв, где располагалась Ставка Верховного главнокомандующего, а Аликс осталась в Царском Селе. Каждый день супруги писали друг другу любовные письма, наполненные нежностью... и военными советами от Аликс.

Цветы и редиска

Переписка царственной четы читается как увлекательный сентиментальный роман. Ники и Аликс не стеснялись говорить о своих чувствах открыто, просто и доверительно. В день 22-й годовщины помолвки императрица писала мужу: «Я хотела бы крепко обнять тебя и вновь пережить наши чудные дни жениховства... Сегодня я буду носить твою дорогую брошку. Я все еще ощущаю твой серый костюм, запах его, у окна в Кобургском дворце. Как ясно я все вспоминаю; эти нежные поцелуи, о которых я грезила, томясь после долгих лет и думая, что я их никогда не получу»²⁰.

К лету 1916-го года их послания стали особенно пронзительными — супруги очень соскучились друг по другу и уже с трудом переносили разлуку, досадовали на работу, которая отвлекала их от переписки. К тому же Аликс переживала за одиннадцатилетнего сына Алексея, который жил в Ставке с отцом. Частенько в конверт вкладывались милые сувениры — цветы, фотографии и даже редиска.

— **Николай:** «2 июня 1916 года. Моя голубка! Нежно благодарю тебя за твое дорогое письмо №506 (подумай, какой большой номер!). Каждый вечер, прежде чем помолиться с нашим Солнечным Лучом, я рассказываю ему содержание твоих телеграмм и читаю ему вслух все твои письма. Он слушает, лежа в постели, и целует твою подпись».

— **Аликс:** «8 июня 1916 года. Посылаю тебе розы, они из милого Петергофа, а душистый горошек — здешний; они так восхитительно пахнут, что я не могу не послать тебе немножко. Моя радость, мое счастье, я вспоминаю тебя так часто! Осыпаю тебя страстными, нежными поцелуями».

— **Николай:** «16—30 июня 1916 года. Не мог тебе написать, так как буквально ходил на голове, благодаря всем этим министрам, из которых каждый желал быть принятым отдельно. Теперь-то, наконец, я с ними покончил!.. Этот цветок из нашего сада, маленький залог любви и тоски по тебе твоего муженька... Как я тоскую по твоим сладким поцелуям! Да, любимая моя, ты умеешь их давать! О, какое распутство!..»

— **Аликс:** «28 июня 1916 года. Горячо любимый ангел мой! Горячее спасибо тебе за твое дорогое письмо. Бедняжка, так грустно, что тебе приходится принимать всех этих министров в эту ужасную жару! Вдали гроза. У нас была масса работы в лазарете; я перевязала 11 вновь прибывших, среди них много тяжелораненых... А. [Анна Вырубова, подруга императрицы — прим. авт.] посылает тебе пару редисок, выращенных ее ранеными».

Сериал в письмах

В летней переписке Ники и Аликс можно проследить несколько любопытных сюжетов с продолжением. Например, на наших глазах разворачивается забавная история про престарелого графа Фредерикса, отправленного из Ставки в Царское Село с «особым поручением».

— **Николай:** «18 июня 1916 года. Моя родная душка! Целую тебя и нежно благодарю за дорогое письмо. Опять некогда писать, так как старик Иванов после завтрака разговорился, как заведенная машина. Я посылаю его в Финляндию на ревизию. Он выезжает сегодня вместе с Фредериксом, которому я поручил, с твоего разрешения, поцеловать тебя в лоб. Он, по видимому, очень доволен возложенным на него поручением, но не знает, как его выполнить».

— **Аликс:** «19 июня 1916 года. Мой любимый! Сердечное спасибо тебе за милое письмо, которое я получила, когда вернулась из церкви. Буду думать о тебе, когда Фр. передаст мне твой поцелуй, это сделает его более приемлемым. Ах, сокровище мое, как наша разлука дли-

²⁰ «Переписка Николая и Александры. 1914—1917 / [сост. А. А. Сергеев]. — М.: «Захаров», 2013.

тельна этот раз! Вы оба так далеко от нас! Но мы это делаем ради нашей страны, и когда дела принимают лучший оборот, это легче переносится...»

— **Аликс:** «20 июня 1916 года. Мой ангел дорогой! Горячее спасибо за твое драгоценное письмо. Снова гроза и дождь, воздух с утра был удушлив. Фредерикс завтракал и запечатлел „поцелуй“ от тебя на моей косынке. Он просит передать тебе его поклон».

Но разве отеческие поцелуи графа Фредерикса могли сравниться со страстными поцелуями милого Ники?

Долгожданное свидание

Самым радостным событием лета стало свидание в начале июля — Аликс на пару недель приехала в Ставку на поезде. Ей был необходим короткий отпуск, всю войну императрица работала простой медсестрой в госпитале и совсем вымоталась. Супруги долго предвкушали встречу... А потом растерялись, как подростки.

— **Аликс:** «12 июля 1916 года. Мой любимый! Спасибо, мой ангел, что дал мне возможность побыть с тобой, что послал за нами — это было радостью и дало силу для дальнейшей работы. Мы насладились своими каникулами и теперь снова принимаемся за дело. В четверг утром прямо приступаем к перевязкам».

— **Николай:** «13 июля 1916 года. Ненаглядная моя! Это я должен благодарить тебя, дорогая, за твой приезд сюда с девочками и за то, что ты принесла мне сюда жизнь и солнце, несмотря на дождливую погоду. Я боюсь, что ты устала от непрестанной беготни вверх и вниз, взад и вперед. Я, конечно, как всегда, не успел сказать тебе и половины того, что собирался, потому что при свидании с тобой после долгой разлуки я становлюсь как-то глупо застенчив и только сижу и смотрю на тебя, что уже само по себе большая для меня радость».

Жена императора

Аликс была воспитана бабушкой — английской королевой Викторией, которая ценила внучку за ум и мечтала передать ей трон Великобритании. Как рассказывает историк Роберт Масси, «в 1892 году Аликс отказала принцу Альберту-Виктору, старшему сыну принца Уэльского, который должен был унаследовать после отца титул наследника английского престола. Этот молодой веселый человек, которого звали в семье принцем Эдди, умер в 1892 году в возрасте двадцати восьми лет. Вследствие этого печального события наследником престола стал его младший брат Георг. Если бы Аликс приняла предложение принца Эдди и тот остался бы жив, то Англией правили бы они с Аликс, а не король Георг V и королева Мария»²¹.

Аликс вышла замуж за Николая и уехала в Россию. Однако королевское воспитание не прошло даром: императрица считала себя вправе давать мужу политические советы. «Дружок, я здесь, не смейся над своей глупой старой женушкой, но на мне надеты невидимые „брюки“»²², — пишет императору супруга еще в 1915-м.

Именно тогда, спустя год после начала войны, Аликс уговорила Николая взять на себя управление армией, потому что ей не нравился прежний главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич. Императрица называла его «скверным Николашей»: «Нечто вроде вроде второго императора, который во все вмешивается, — с возмущением писала Аликс мужу. — Как много людей говорят это (наш Друг тоже)!.. Хотя Н. поставлен очень высоко, ты выше его. Нашего Друга так же, как и меня, возмутило то, что Н. пишет свои телеграммы, ответы губернаторам и т. д. твоим стилем, — он должен бы писать более просто и скромно... Когда в

²¹ Роберт К. Масси «Николай и Александра».

²² Из письма Александры Федоровны к мужу от 22 августа 1915 года.

эти три постных дня читались молитвы за тебя, то перед Казанским собором от Синода была роздана тысяча портретов Н. — что это значит? Они замыслили совершенно иную игру. Наш Друг вовремя раскрыл их карты и спас тебя тем, что убедил прогнать Н. и принять на себя командование»²³.

Дальнейшие события доказали ошибочность подозрений императрицы. В 1919 году, спасаясь от большевиков, Николай Николаевич покинул Россию и поселился во Франции. Русские эмигранты много раз обращались к нему с просьбой возглавить Дом Романовых в изгнании — Николай Николаевич был самым известным и самым старшим по возрасту членом династии. Однако великий князь неизменно отказывался. Он решительно не хотел быть императором.

Но что же это за «Друг», на которого так часто ссылается Александра Федоровна? Это сибирский мистик Григорий Распутин. Все вокруг называют его «старцем», но Распутин на год младше Николая II — и полон амбиций. Крестьянину очень нравится влиять на решения царя. Распутин рекомендует русским войскам «не слишком продвигаться на севере» или предлагает своих знакомых на высокие посты. «Нет, слушайся нашего Друга, верь ему, его сердцу дороги интересы России и твои, — умоляет мужа императрица. — Бог не даром его нам послал, только мы должны обращать больше внимания на его слова — они не говорятя на ветер. Как важно для нас иметь не только его молитвы, но и советы!»

Доктор исторических наук Юрий Кондаков отмечает, что Николай не сделал ничего, чтобы спасти сына Распутина от призыва. «О каком влиянии после этого можно говорить?»²⁴ — задается вопросом профессор. Однако ни в каких сражениях юный Дмитрий Распутин не участвовал — служил санитаром в 143-м санитарном поезде Ея Императорского величества Александры Федоровны (вместе с Сергеем Есениным, к которому мы еще вернемся). Так что царь устроил сына «Друга» на самую безопасную должность, какую только можно было вообразить в те беспокойные годы.

Но главное, Николай следовал советам супруги по сохранению самодержавия в России. «Россия, слава Богу, не конституционная страна, хотя эти твари пытаются играть роль и вмешиваться в дела, которых не смеют касаться! Не позволяй им наседать на тебя. Это ужасно: если им сделать уступку, то они подымут голову», — пишет мужу Аликс. Удивительная позиция! Ведь бабушка Аликс, королева Виктория, правила совместно с парламентом и благодаря этому сумела сохранить британский трон для потомков. А Николай и Аликс потеряли всё — спустя всего несколько месяцев после веселого семейного отпуска в Могилёве.

Как наслаждались белорусскими каникулами четыре дочери и сын государя! Тогда никто не мог предположить, что следующее лето царские дети встретят в другом провинциальном городке — Тобольске, который станет для них роковым.

²³ Из писем Александры Федоровны к мужу за 1915 год.

²⁴ Юрий Кондаков «Война и политика в письмах Императрицы Александры Федоровны к Николаю II (1914—1915)».

Второй медовый месяц в Могилёве (1916)

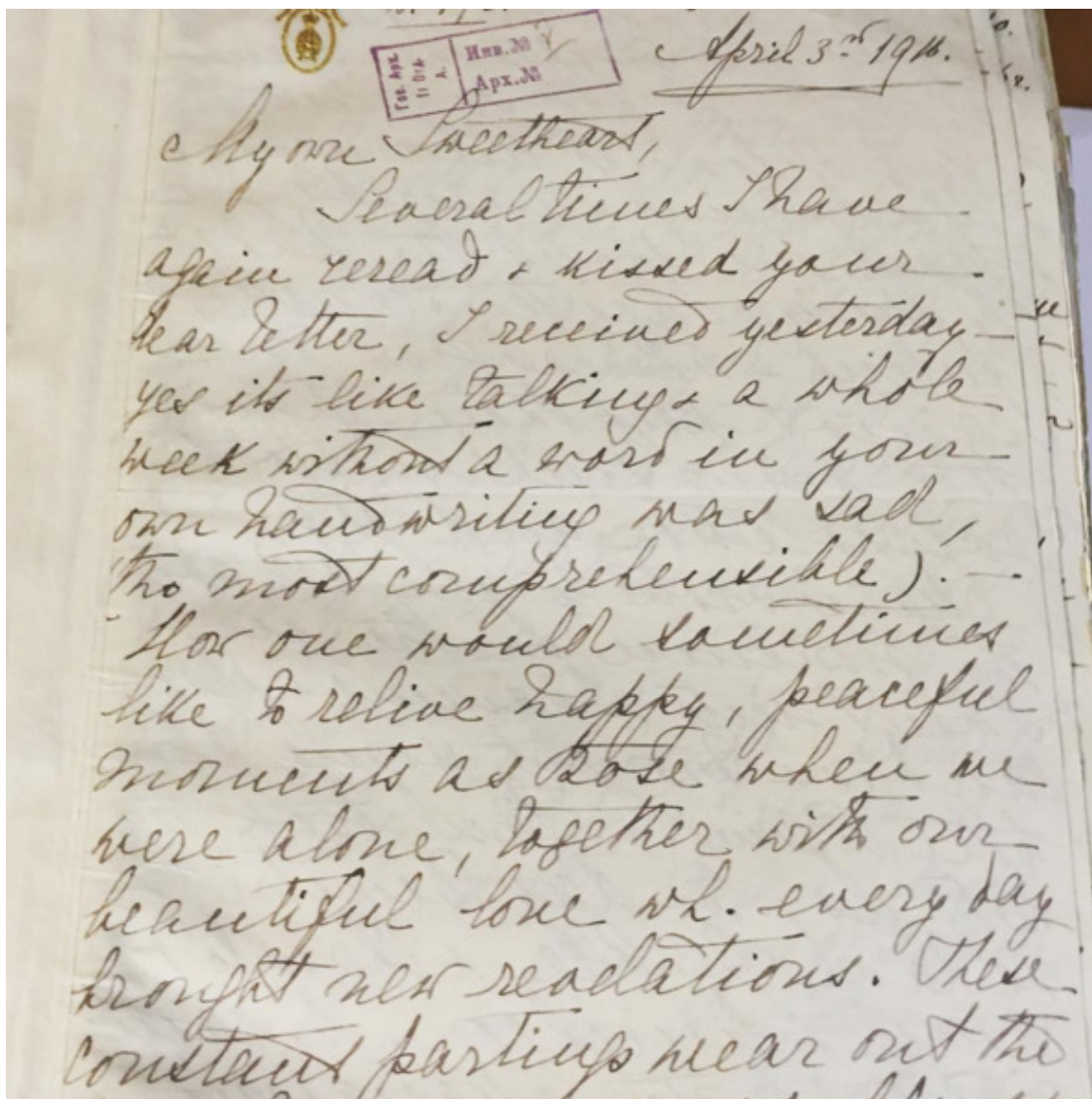
Романтичная прогулка по Днепру (1916)

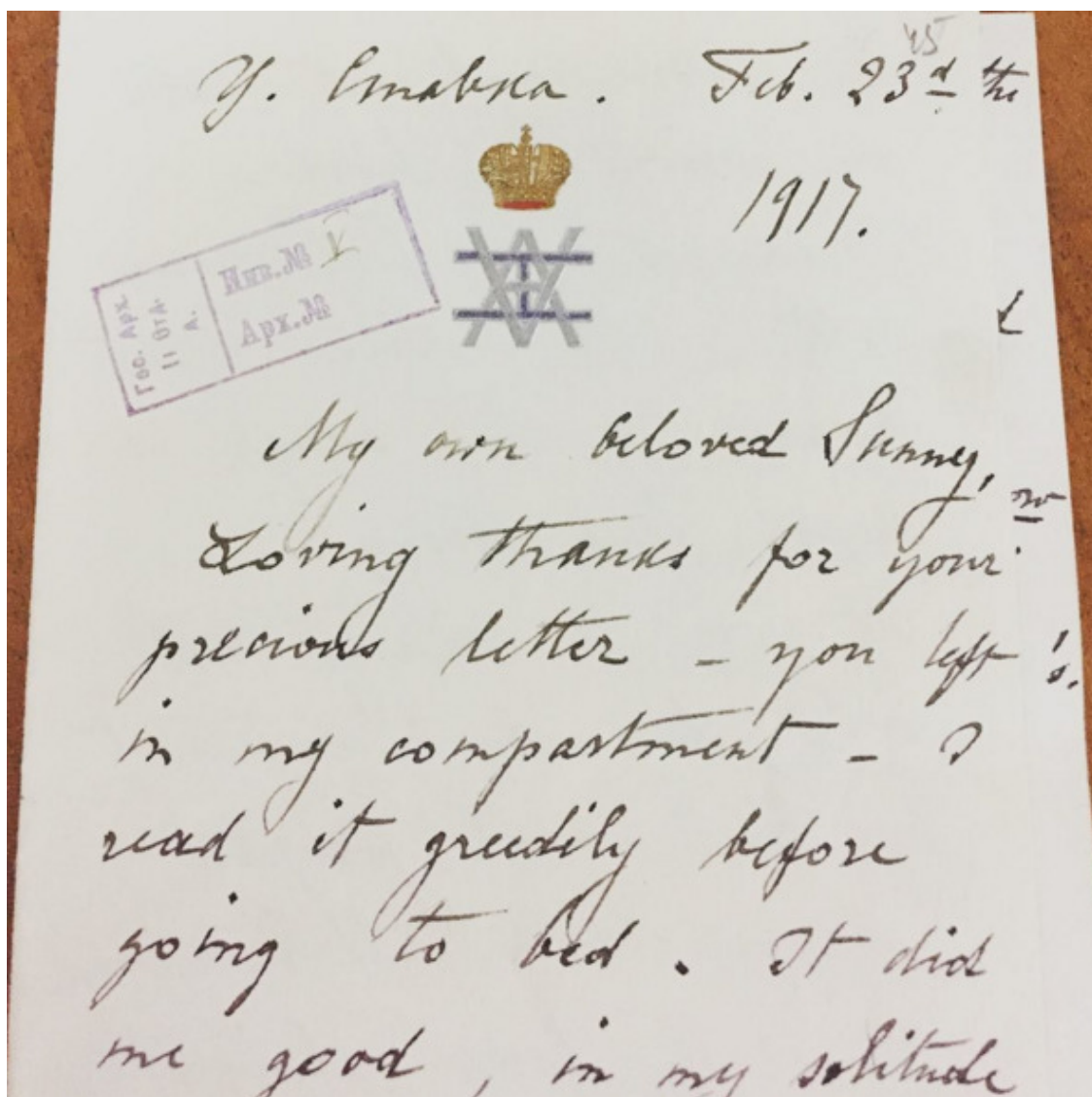
Императрица в парадном облачении рядом с сиренью, которую для нее круглый год выращивали в дворцовых оранжереях (1909)

Супруги вместе читают письмо (1915)

Письмо императрицы мужу от 3 апреля 1916 года (на английском языке)

Письмо Николая II супруге от 23 февраля 1917 года (на английском языке)

Письмо цесаревича Алексея матери от 7 августа 1916 года

Григорий Распутин с царской семьей (1908)

Петербургские аристократы в гостях у Распутина (1914)

Дети Николая II: «Чугунная решетка Александровского дворца раскрылась»

Семья Николая II за чаепитием: на переднем плане сам император и его сын — цесаревич Николай. Также за столом сидят (слева направо): великие княжны Анастасия, Ольга, Мария, Татьяна, императрица Александра Федоровна (1910)

До обручения с Аликс Николай вел беззаботную жизнь светского льва. Костюмированные балы и театральные премьеры, балалаечники и устрицы, бильярд и домино, котильон до утра и золотое шампанское рекой, — наш герой обожал столичные развлечения! За час до полуночи его вечер только начинался: «Вернулся в Аничков в 11 ч. и надел Конногвардейский сюртук с эполетами, — писал Николай в 1894 году, за два месяца до помолвки. — В таковом облачении отправился на ужин к Гартонгам, где собралось небольшое общество. Венгерцы играли все время. Когда встали из-за столов, пустились в пляс, изрядно попивая в передышках. Очень весело провел время; засиделись только поздно — до 4 часов»²⁵.

Свадьба остановила эту карусель. Замкнутая Аликс, в отличие от блистательной матери Николая, терпеть не могла балы и приемы. А Ники слишком любил свою жену, чтобы заставлять ее «работать императрицей». Особенно когда появились дети, которым Аликс посвятила все свое время. Болезнь маленького цесаревича еще больше сблизила эту дружную семью. В 1904 году, как только врачи поставили Алексею страшный диагноз «гемофилия», Николай и Александра покинули свои недавно отремонтированные апартаменты в Зимнем и перестали бывать в городе во время бальных сезонов. Александровский дворец в Царском Селе стал их убежищем.

²⁵ Запись в дневнике цесаревича Николая Александровича от 31 января 1894 года.

Историк Хелен Раппапорт рассказывает: «Все внимание в семье теперь резко сместилось и сконцентрировалось на том, чтобы защитить Алексея от несчастных случаев и травм — под тщательным контролем домашнего круга. Четыре еще очень маленьких, но весьма чувствительных сестры Алексея — Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия — еще больше сплотились в ответ на затворничество семьи и в поддержку своей весьма болезненной матери... Мир четырех великих княжон Романовых начал сужаться в тот самый момент, когда им хотелось рваться ему навстречу и освоиться в нем»²⁶.

Жизнь царской семьи была полностью засекречена — лишь бы только никто не узнал о неизлечимой болезни наследника престола. «Сведения о том, с сахаром ли они пьют чай или едят мясо с горчицей, были почти на уровне государственной тайны»²⁷, — отмечала англо-русская писательница Эдит Альмединген. В ближний круг императора входили только самые проверенные лица; общение детей с посторонними не допускалось.

Великие княжны лишь изредка выезжали на церковные службы или военные смотры. Алексей бывал на людях еще реже. Четыре сестры и их несчастный брат выросли в полуфантастическом, искусственном мирке, а о «жизни снаружи», как они ее называли, дети могли только догадываться — по обрывочным сведениям, почерпнутым из рассказов родителей, слуг и прочитанных книг.

Отшельническая жизнь юных красивых принцесс вызвала недоумение общественности. «Почему они нигде не бывают?» — задавалась вопросом иностранная пресса. Российские же газеты время от времени публиковали тщательно отретушированные официальные портреты Николая с женой и детьми, создавая тем самым поверхностное, слащавое представление о царской семье. «Идиллический образ четырех милых девочек в белых вышитых батистовых платьях с голубыми бантами в волосах совершенно не отражал те четыре очень разных личности, которые росли и развивались за закрытыми воротами Александровского дворца», — говорит Хелен Раппапорт.

Война все изменила, разрушила невидимую стену между царскими детьми и обычными людьми. Жестокий реальный мир обрушился на детей Николая в одночасье.

Цесаревич Алексей, преодолевая постоянную боль, отправился с отцом в могилёвскую Ставку. Флигели царскосельских дворцов превратились в лазареты. Великие княжны, пройдя краткий курс хирургии и медицинской помощи, ассистировали на операциях, в том числе самых тяжелых. Как вспоминала главный врач императорских госпиталей Вера Гедройц, «все придворные автомобили и экипажи были отданы для перевозки раненых. Цветы из оранжерей, сладкое придворных кондитеров — все это направлялось в лазареты для раненых. Казалось, чугунная решетка Александровского дворца раскрылась, и дыхание народной жизни обожгло душу ее обитателей»²⁸.

²⁶ Хелен Раппапорт «Дневники княжон Романовых. Загубленные жизни» (2015).

²⁷ Edith Martha Almedingen «The Empress Alexandra, 1872—1918: A Study» (1961).

²⁸ Дневник В. И. Гедройц (запись от 20 августа 1914 года).

Цесаревич Алексей: «Котька с удовольствием ест устриц»

Цесаревич Алексей с питомцами: котом Котькой и псом Джоем (1916)

В Могилёве наследник престола разместился с отцом в одной небольшой комнате губернаторского дома — совершенно простой. Но чаще отец и сын ночевали в императорском поезде, где все было обустроено по их вкусу. В соседних вагонах жили трое учителей цесаревича и его дядька-матрос Деревенько.

Маленький принц

Наследник впервые оказался в такой гуще событий — на его глазах принимались важнейшие военные решения, мелькали новые лица, вокруг постоянно что-то происходило. Алексею было страшно интересно. Он каждый день знакомился с самыми разными людьми — боевыми офицерами, городскими мальчишками, иностранными посланниками, — и тут же принимался торопливо расспрашивать их о том, чем они занимаются в обычной жизни и что любопытного видели в последнее время.

Но и за самим Алексеем внимательно наблюдали окружающие. Порой его поведение шокировало — об этом рассказывает протопресвитер Георгий Шавельский, военный священник, сопровождавший императора в Ставке: «Болезнь сильно влияла и на воспитание, и на образование Алексея Николаевича. Как болезненному, ему разрешалось и прощалось многое, что не сошло бы здоровому. Во избежание переутомления мальчика, учение вели очень осторожно, с очевидным ущербом для учебной цели. Следствием первого была часто переходившая границы дозволенного шаловливость; следствием второго — отсталость в науках. Последняя особенно была заметна. Осенью 1916 г. Алексею Николаевичу шел 13-й год, — возраст гимназиста, кадета 3 класса, — а он, например, еще не знал простых дробей... Отсутствие сильного, опытного, соответствующего задаче воспитателя заметно сказывалось. Сидя за столом, мальчик часто бросал в генералов комками хлеба; взяв с блюда на палец сливочного масла, мазал им шею соседа».

А однажды, разыгравшись, Алексей нахлобучил арбуз на голову великому князю Сергею Михайловичу: «Вдруг Наследник поднял руки, в которых оказалась половина арбуза без мякоти, и этот сосуд быстро нахлобучил на голову великого князя. По лицу последнего потекла оставшаяся в арбузе жидкость, а стенки его так плотно пристали к голове, что великий князь с трудом освободился от непрошенной шапки. Как ни крепились присутствующие, многие не удержались от смеха. Государь еле сдерживался. Проказник же быстро исчез из столовой».

Суровые военные с улыбкой наблюдали за шалостями обаятельного мальчишки: «Благодаря необыкновенной простоте и сердечности в обращении Алексей Николаевич привлекал к себе все сердца как своей внешней, так и духовной красотой, — писал генерал-майор Владимир Николаевич Воейков, начальник охраны Николая II. — Его ясный открытый взгляд, во всем проявляемая решительность, приятный звонкий голос — вызывали во всех, его видевших, чувство глубочайшей симпатии»²⁹.

Приключения Котьки

Летом 1916 года цесаревич обзавелся пушистым другом. «Однажды, в разговоре о животных, я рассказал Алексею Николаевичу об имевшейся у меня в имении породе кошек, представлявших из себя помесь куницы с домашней кошкой и напоминавших сиамских, — вспоминал генерал Воейков. — Они были очень красивы: шоколадного цвета, с голубыми глазами и с лапами, не обладавшими неприятным свойством выпускать когти. Наследник попросил привезти ему такую кошку... В следующую поездку, встреченный наследником при возвра-

²⁹ Воейков В. Н. «С царём и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II» (1936).

щении опять в моей комнате, я ему вручил корзинку-домик, внутри которого находился кот. Восторгом не было конца. Сейчас же было написано сестрам письмо с извещением о прибытии кота, что и у них вызвало желание завести себе такого же... Была куплена в деревне и отправлена в Царское Село кошечка, подходившая под все условия. Великие княжны были страшно довольны и назвали ее Зубровкой. Наследник расставался со своим котом только на время прогулок из боязни его потерять; в остальное же время он его постоянно брал с собой вместе с любимой собакой по кличке Джой, породы спаниель, и приходил иногда во время высочайших обедов, держа его на руках, чем приводил в ужас людей, боявшихся кошек».

Цесаревич описывал в дневнике приключения своего питомца: «Котка с удовольствием ест устриц. На дворе легкий мороз (-3°). Дал губернатору 100 р. на табак для солдат к Рождеству Христову». И через пару дней: «Катался на моторе до вокзала и обратно, захватив с собой Джоя и в первый раз Котку. Тает и гололедица такая, что все падают наземь»³⁰.

После революции шоколадный Котка и его рыжая сестренка Зубровка остались одни-одинешеньки в огромном Александровском дворце. Хозяева не смогли взять их с собой в ссылку — котов перевозить гораздо труднее, чем собак.

«Цесаревич жалобно просил, чтобы кто-нибудь позаботился о них, — пишет историк Хелен Раппопорт. — Позже, когда во дворец приехала Мария Герингер, старшая фрейлина царицы, которой было поручено присматривать за дворцом после отъезда царской семьи, оголодавшие кошки, как привидения, появились неведомо откуда и набросились на нее, громко мяукая и требуя внимания. Но двери всех сорока комнат дворца были опечатаны, дворцовые кухни закрыты, все было заперто. Только кошки остались в опустевшем Александровском парке, а небольшая горстка людей — все, что осталось от некогда большой семьи, — в это время направлялась за сотни миль отсюда, на восток, в Сибирь...»

Котка с Зубровкой вернулись в имение Воейковых, на деревенские просторы, и устроились там вполне благополучно. В отличие от людей, жизнь кошек после революции совсем не изменилась.

³⁰ Записи из дневника цесаревича Алексея Николаевича от 7 и 9 ноября 1916 года.

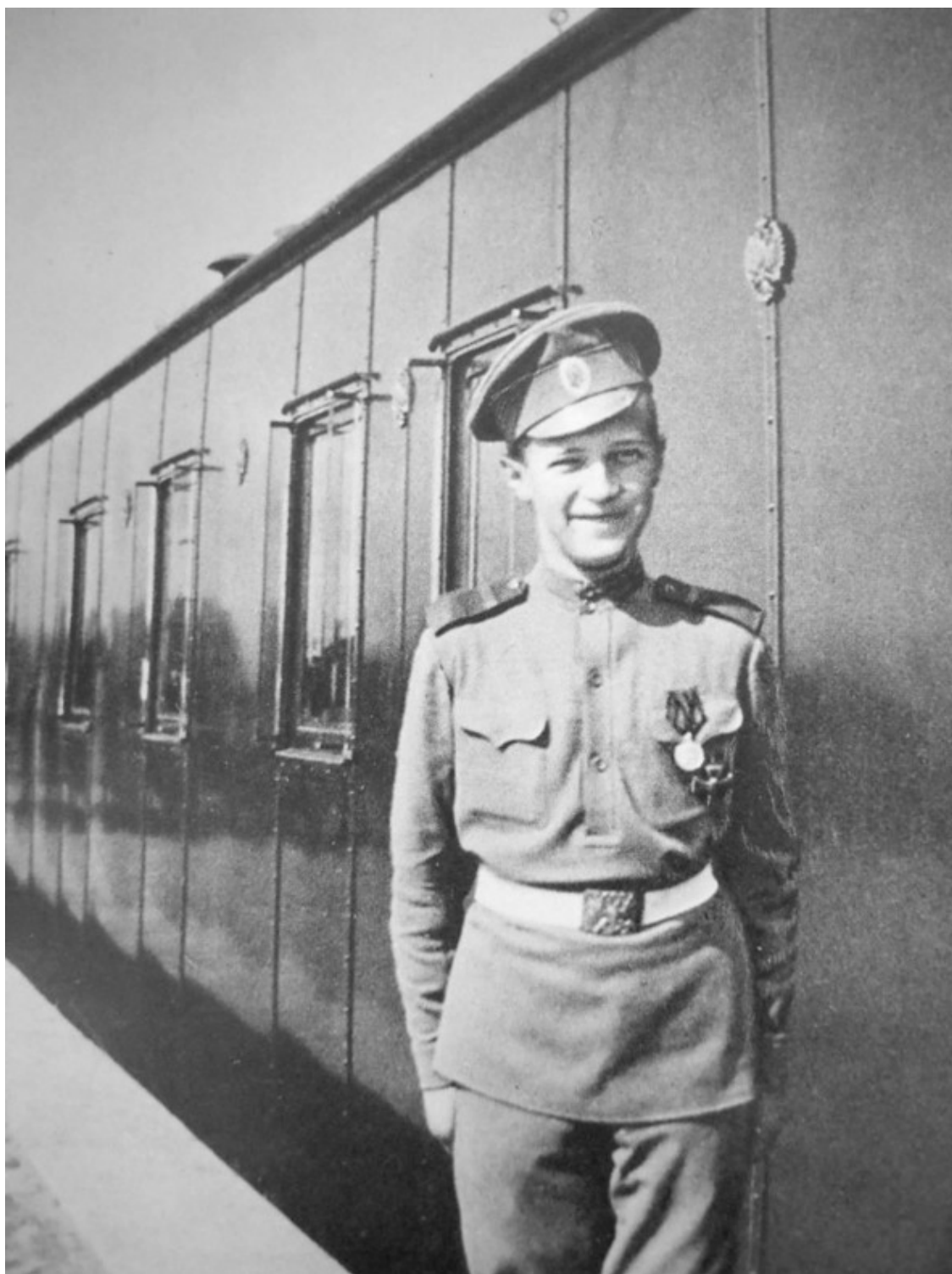
Цесаревич Алексей с родителями (1914)

С учителем французского Пьером Жильяром (1910)

Алексей охраняет покой семьи (Могилёв, 1916)

Алексей у царского поезда (Могилёв, 1916)

Великая княжна Ольга: «Скучно очень без маленького душки Шах-Багова»

Великая княжна Ольга Николаевна на яхте «Штандарт» (1912)

Ах, эти огненные глаза джигита! Разве могла она устоять! Великой княжне было двадцать, ее избраннику — двадцать два. Пылкий эриванец Дмитрий Шах-Багов стал последней любовью Ольги Николаевны, старшей дочери императора.

«От принцесс до крестьянок простых»

На работу в госпиталь старшие сестры Романовы бежали как на праздник. Необыкновенное чувство — приносить пользу людям! Они влетали в палату — и измученные лица офицеров преображались. Раненым становилось легче от одного взгляда на нежные девичьи лица. Сколько заботы и сострадания было в этих ясных глазах, как старались девочки помочь пациентам — душевным разговором, вовремя взбитой подушкой, милыми пустяками вроде собственноручных вышитых платков. На операциях великие княжны держались спокойно, четко исполняли указания врачей.

«Иногда, по вечерам, все собирались к роялю, стоявшему в передней комнате, играли и пели, — вспоминал пациент царского госпиталя, генерал-майор Иван Тимофеевич Беляев. — Княжнам больше всего нравилось: „Это девушки все обожают, от принцесс до крестьянок простых. По ночам об одном лишь мечтают, чтоб сбылися мечтания их“... Оживление молодежи достигало апогея, когда по праздникам появлялись Мария, Анастасия и маленький наследник. Все бежали в сад и начинали играть в крокет». Один из пациентов «сыпал шутками и прибаутками, которые всегда встречали одобрение, делал отчаянные прыжки на одной ноге (другая была в гипсе), размахивал крокетным молоточком и потихоньку учил маленького наследника поджужливать, незаметно подкатывая шары».

В мае 1915 года в лазарет поступил черноусый красавец — Дмитрий Шах-Багов, офицер 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка, раненный в своем первом бою. Поручик Константин Попов, служивший вместе с Шах-Баговым, описывал его так: «Он показал себя, как достойный и храбрый офицер, как редкий товарищ и удивительный добряк. Если ко всему этому прибавить его красивую наружность и большое умение одеться и носить с достоинством форму, то получался тот тип молодого офицера-эриванца, которым по праву гордился наш полк»³¹.

³¹ Ирина Ордынская «Святая царская семья» (2022).

Дмитрий Шах-Багов в царском госпитале (1915)

В отличие от своих донжуанов-сослуживцев, осыпавших цветастыми комплиментами саму императрицу, Дмитрий сильно смущался в присутствии венценосных медсестер. «Хорошенький, как картинка, и застенчивый, как девочка, он всегда стоял немного в стороне и вспыхивал ярким румянцем всякий раз, когда его глаза встречались с глазами Ольги», — рассказывал генерал Беляев. Великая княжна тоже заметила его среди других пациентов. «Милый», «маленький», «ужасный душка», — называла его про себя.

Это была любовь с первого взгляда. «Ольга Николаевна серьезно привязалась к Шах-Багову, и так это чисто, наивно и безнадежно, — писала в своем дневнике старшая сестра милосердия Валентина Ивановна Чеботарева. — Странная, своеобразная девушка. Ни за что не выдает своего чувства. Оно сказывалось лишь в особой ласковой нотке голоса, с которой давала указания: Держите выше подушку. Вы не устали? Вам не надоело?»³²

Со временем Ольга, сама того не замечая, начинает обращаться к Шах-Багову ласково, по-семейному, — «Митя». Простой офицер не может назвать ее иначе, чем «ваше высочество» и «Ольга Николаевна»; но может пригласить ее на вечернюю прогулку в парк — невинную, романтическую.

Рыцарь и принцесса

Робкое начало отношений прервалось уже через месяц. Дмитрий выздоровел и вновь отправился на фронт. 22 июня 1915 года Ольга записала в дневнике: «После ужина говорила по телефону с Шах-Баговым, мы попрощались, поскольку завтра он возвращается в свой полк. Мне так жаль его, моего душку, так ужасно, он такой милый». И уже на следующий день — новая запись: «Скучно очень без маленького душки Шах-Багова»³³.

«Когда уехал, бедняжка с часок сидела одна, уткнувшись носом в машинку, и шила упорно, настойчиво, — вспоминала Валентина Чеботарева. — Преусердно искала перочинный ножик, который Шах-Багов точил в вечер отъезда, целое утро искала и была пресчастлива, когда нашла».

«Милая Ольга уже три дня не приходит на перевязки, — отмечал генерал Беляев. — Сегодня она явилась, наконец, но ее щечки потеряли обычный румянец, а глаза покраснели от слез — чудные девичьи годы, милое чистое сердце...»

И вдруг, второго августа, — телеграмма! «Необходима спешная операция, прошу вернуться в госпиталь. Шах-Багов».

Что случилось? Прошло чуть больше месяца!

Оказалось, тотчас по возвращении на фронт Дмитрий ринулся в атаку и теперь вернулся с раздробленной ступней, бледный, на носилках. Ольга устроила его на прежнее место в «Эриванской палате». Офицера немедленно оперировали, загипсовали ногу — в этот раз Митя оказался надолго прикован к постели.

«К Ольге вернулось ее прежнее настроение, ее милые глазки заблестали вновь, щечки покрылись прежним румянцем, — с улыбкой вспоминал генерал Беляев. — В крокет уже не играли, но на другой же день принесли и поставили подле больного огромный зеленый стол, где шарики из слоновой кости катались миниатюрными молоточками сквозь расставленные по столу металлические дужки».

Как только Митя снова смог ходить, он повсюду следовал за своей избранницей. Помогал ей чистить инструменты и готовить бинты. Развлекал ее рассказами о своем детстве в сказочных горах, среди красивых, смелых и честных людей, в окружении буйной природы. Как хотелось Ольге однажды побывать там! Быть может, после войны... Но война никак не заканчивалась.

³² Бакунина Е. М., Чеботарева В. И. «Быть сестрой милосердия. Женский лик войны». Составитель — Е. Первушина (2017).

³³ Дневниковые записи Великих княжон Ольги, Марии, Татьяны, Анастасии и их письма к отцу Императору Николаю II 1914—1916 года.

Подарок к Рождеству

Наконец наступил день, которого Ольга так боялась. Дмитрий выздоровел. 30 декабря 1915 года офицер прошел медицинскую комиссию и вечером позвонил любимой с новостью, разбивающей сердце: «Неожиданно получил предписание из полка ехать на Кавказ дня через два», — записала великая княжна в дневнике.

1916-й начался просто ужасно. Сборы, слезы, прощание в темном промозглом парке. Короткая встреча с мамой Шах-Багова: «Такая милая, очень похожа на своего Маленького!» — отмечает Ольга.

Последние торопливые слова на станции. Губы заиндевели на январском ветру, не слушаются. Митя греет своим дыханием руки любимой. Свисток паровоза. Пора. Офицер Шах-Багов назначен начальником санитарного поезда. Маршрут его через столицу не пролегает.

«Уезжает верный рыцарь, — записала Валентина Чеботарева. — Славный, в сущности, мальчик. Он допускает только обожание Ольги Николаевны, как святыни».

Весь 1916-й прошел для Ольги как в тумане — в постоянном ожидании весточек от любимого: «Хочу видеть Митю», «Скучно без Мити дорогого», «От Мити все ни слуху ни духу». Наконец — долгожданный конверт: «А тут еще пришло письмо от Шах-Багова, — радовалась Валентина Чеботарева. — Ольга Николаевна от восторга поразбросала все вещи, закинула на верхнюю полку подушку. Ей и жарко было, и прыгала: Может ли быть в 20 лет удар? По-моему, мне грозит удар».

Влюбленные виделись еще пару раз. В октябре: «Неожиданно вошел Митя. Рада ужасно его видеть с пробором. Стояли в коридоре и сидели. Штопала носки». А потом — под Рождество: «Около 12 часов Митя пришел. Видели из окна, с мамой. Здоров, черный — радуюсь».

Таким запомнила его Ольга: возмужавший, статный офицер, с добрыми глазами цвета кавказской ночи и преданной улыбкой. В черных усах запутались снежинки. В руках — яркие коробки с бантами и мишурой. «Получила зеленое кольцо, пупс, картины, подушку», — старательно перечисляет великая княжна в дневнике — но все это ерунда, главное — вот он, душка Митя, рядом в светлый праздник! «Постояли у крошечной занесенной ёлки». Пили чай со всем семейством. Ольга светилась от гордости: «Был невероятно мил и как никогда весел, такое золото. Спаси его, Господи». Лучшее Рождество в жизни старшей дочери императора.

27 декабря 1916 года влюбленные расстались навсегда. Великая княжна до последнего дня помнила о своем рыцаре. 9 февраля 1917 года записала в дневнике: «Сегодня Мите 24 года. Сохрани его Боже».

Судьба Дмитрия после революции неизвестна. По некоторым сведениям³⁴, в двадцатых годах он командовал отрядом езидов³⁵ в Эчмиадзине³⁶, который противостоял Красной армии. Больше никаких упоминаний об офицере Шах-Багове в архивах нет. Вероятно, храбрый Митя погиб в бою с большевиками под пронзительно-голубым небом Армении, которое так часто снилось великой княжне Ольге Николаевне.

³⁴ Валерия Олюнина «Герои Эриванского полка Шах-Багов и Мелик-Адамов, любимцы великих княжон».

³⁵ Езиды — религиозная подгруппа курдов. Исторически проживают на Ближнем Востоке, но общины езидов есть по всему миру, в том числе и в России. В Первой мировой войне езиды воевали против Османской империи на стороне Российской империи.

³⁶ Монастырский комплекс в городе Вагаршапат Армавирской области Армении.

Ольга вяжет раненым зимние вещи (Царское Село, 1915)

Музыкальный вечер в Царском Селе. Ольга слева, Дмитрий позади пианино (1916)

Ольга и Дмитрий с товарищем (Царское Село, 1915)

Четыре великие княжны играют в крокет с ранеными офицерами (Царское Село, 1916)

Великая княжна Татьяна: «Ходили с Папа по платформе 323 шага»

Великая княжна Татьяна Николаевна на балконе дворца в Ливадии (1912)

«Боже мой, опять дочь! Что скажет народ? Что скажет народ?» — рыдала Александра Федоровна 29 мая 1897 года, когда вместо долгожданного мальчика на свет появилась Татьяна. Кто бы мог подумать, что из всех детей Николая II именно его вторая дочь лучше всего подойдет на роль наследницы престола!

Снежная принцесса

Впервые за полтора столетия в доме Романовых подрастала достойная преемница Екатерины II. От великой прародительницы наша героиня унаследовала не только сильный характер, но и пренебрежительное отношение к мужчинам. Сердце красавицы всегда билось ровно. В отличие от романтической Ольги и мечтательной Марии, Татьяна ни к кому не привязывалась по-настоящему. И это сводило ухажеров с ума. Двое отвергнутых кавалеров не пережили отказа прекрасной Снежной принцессы.

Вы только взгляните на почерк великой княжны. Строчки резкие, прямоугольные, почти нечитаемые. Буквы высокие и узкие. Этот почерк говорит об уверенном, даже жестком характере.

Письмо Великой княжны Татьяны Николаевны на бланке открытого письма с ее фотографией и подписью, адресованное ее крестной — тете со стороны отца, великой княгине Ксении Александровне. Текст письма: «Елка 1916. Дорогую мою Крестную от души поздравляю с праздниками и желаю тебе их весело провести и счастливым Новый год. Крепко обнимаю. Татьяна».

Содержание дневников царевны весьма необычно для юной девушки. Татьяна точно фиксирует цифры и сухие факты даже на каникулах: «В 5.45 приехали в Одессу. Почетный караул,

много дам. Поехали в Собор, оттуда в склад. Ехали по городу. Ужас как была рада видеть море. Потом обед. После ходили с Папой по платформе 323 шага»³⁷

³⁷ Запись в дневнике великой княжны Татьяны Николаевны от 9 мая 1916 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.